

Подъ редакціей Л. Г. Мунштейна (Lolo).

РАМПА

№ 25.

И ЖИЗНЬ

VI г. изд.

Христофоръ Глюкъ.

(Къ 200-лѣтію со дня рожденія.)

Б. Дмитровка,
Богословскій пер., д. 1.

МОСКВА

Телеф. 258-25.

По Чеховским уголкамъ.

1) Въ Мелиховѣ.

Отъ станціи Лопасня, Москов-Курской ж. д. — до села Мелихова 13 верстъ. Дорога идетъ по равнинѣ, кой-гдѣ переходящей въ возвышенность, встрѣчаются овраги, земля глинистая, въ дожди, вѣрно, распуцна полая. Золотится на солныш рожь и засѣячиво, въ скромной русской своей красотѣ, киваютъ и свѣтятся васильки.пейзажъ обычный. «И все поля, поля кругомъ»...

Часа черезъ полтора мы у цѣли нашего путешествія. Красныя ворота, широкій дворъ, низкія постройки. Вотъ они и есть чеховскія владѣнія. Пока нашъ ямщикъ идетъ докладывать перешедшему хозяину Мелихова — барону Стюарту — мы осматриваемся вокругъ. Расстилается лугъ. Вѣдь — кажда деревенька, прямая, какъ ремешъ, березовая аллея. Это за предѣлами ограды. А тамъ, за воротами, — виднѣсь садъ, барскій домъ, службы. Съ посланнымъ, принесшимъ намъ разрѣшеніе на осмотръ, входимъ во дворъ. «У меня главный дворъ», — пишетъ о немъ Чеховъ. И правда, что-то ужасно милое, важное въ этихъ немощныхъ строеніяхъ, конюшняхъ, амбарахъ. Поражаетъ изобиліе изгородей, заборовъ, перегородокъ, плетней... Зависаетъ цѣпной пестъ. Кудахчуть куры. Вотъ и еще одинъ частокъ. Отворнемъ калитку и входимъ въ садъ. На право — одноэтажный, съ затѣливыми окнами домъ, съ большой террасой, крытымъ переходомъ, соединяющимъ главное зданіе съ пристройкой — кухней.

Домъ остался въ томъ же видѣ, какъ и при Антошѣ Павловичѣ, — поясняетъ нашъ путеводитель. — Только вотъ этого прохода къ кухнѣ при немъ не было.

— А вы Чехова-то хорошо помните?

— А еще бы. Мы съ Антономъ Павловичемъ друзья были. Я и при немъ тутъ служилъ, при вѣнчикѣ-то... Прокофійемъ меня зовутъ. Вышло сколько вечеровъ и просидѣлъ съ нимъ. Въ разговорахъ, да толкахъ. Онъ вѣдь больше — во фляжѣ жилъ, тутъ и писалъ.

Фляжель — это тотъ маленький домикъ въ саду, выстроенный самимъ Чеховымъ, въ которомъ онъ жилъ и работалъ. Здѣсь написана «Чайка».

И фляжель сохранился въ неприкосновенномъ видѣ. Только никто теперь не живетъ въ немъ. Мы заглядываемъ въ окна: двѣ небольшихъ комнатки. Въ первой отъ входа была его спальня, — а во второй онъ писалъ.

— Яко ночь бывало сидѣть. Свѣчи жечь. Что не

спите Антошъ Павловичъ? А онъ такъ: ничего Прокофій, а за ночь два раза водѣй обольюсь, и ничего...

Вѣтхій дномъ, огромный дубъ. «Магріфскій», — какъ прозвалъ его Чеховъ. Подъ нимъ скамейка, на ней любилъ сидѣть А. П.

Вся молодая посадка сада сдѣлана имъ. Это онъ вырастил сирень, хлопотно развелъ розарій, разбилъ цвѣтники.

— Все съ цвѣтами возлея — вспоминаетъ Прокофій. Идемъ къ дому. На встрѣчу выбѣжали двѣ тасмы... Точиль — точь Хина и Вромъ.

Это сходство отнѣмать и Прокофій. И казалось такимъ естественнымъ, что вотъ, сейчасъ, выйдетъ и самъ Антошъ Павловичъ и скажетъ, притворно сердясь на собакъ: — «Хотите подарю пса? Вы не повѣрите, до чего глупая собака!»

Но Чеховъ не выйдетъ... И собаки это не тѣ, и уже въ домѣ не такъ, какъ было когда-то. Изъ вещей А. П. остался здѣсь маленький старій ролль, да письменный столъ, вотъ и все. Остальное вывезено въ Ялту. Впрочемъ, баронесса поаспила намъ, что это имѣніе, — въ сущности бездоходное — они сохраняютъ въ неизмѣнномъ видѣ въ память Чехова и ради Маріи Павловны, очень дорожающей этимъ мѣстомъ.

— Вы, Прокофій, — говоритъ госпожа Стюартъ, — покажите мнѣ на деревнѣ школу, которую выстроилъ Антошъ Павловичъ.

Здѣсь никто при насъ ни разу не сказалъ «Чеховъ», а всегда именно такъ: «Антошъ Павловичъ» — ласково и вѣжливо.

Пока идемъ селомъ, Прокофій все вспоминаетъ свои долгія ночныя бесѣды съ Чеховымъ, передаетъ намъ о его дѣятельности, какъ хозяина, сосѣда и врача. Всѣмъ помогалъ — и деньгами, и лекарствами, и леченіемъ. И хозяинъ былъ рачительный. Вырылъ колодезь, выкопалъ два пруда. Крестьянамъ пожарный сарай построилъ. А когда въ земствѣ служилъ — на дороги деньги вносилъ. Три школы открылъ. Одну здѣсь, да двѣ въ Талейжѣ и Новоселкахъ. Его очень любили, помнятъ и теперь. Служить 2-го іюля панхимъ. И онъ любилъ аки мѣста. Все жалѣлъ, что доктора не позволяють тутъ жить, на югъ говятъ. Изъ Ялты писалъ часто, все о Мелиховѣ разсиривалъ.

Школа выстроена прочно. Зданіе свѣтлое, просторное, удобно. Встрѣтились мы и съ бывшимъ чеховскимъ ученикомъ. Теперь это — сельскій староста, очень положаймъ на видѣ. Онъ учился два мѣсяца при А. П., отягчо его помнить. Антошъ Павловичъ — чуть не каждый день ходилъ въ классы. Всѣмъ интересовался, разговаривалъ съ учениками — но все впакала. Въ классной виситъ большой портретъ А. П. и его отца Павла Егоровича.

Недалеко от школы — церковь. Колокольню для нее выстроил Антонъ Павловичъ.

Мы отдыхаем на травѣ, а Прокофій и бывшій чеховскій ученикъ предаются воспоминаніямъ.

— А какъ онъ о большихъ заботахъ! Заболѣлъ у меня папаша. Приходитъ Антонъ Павловичъ. Осмотрѣлъ и говоритъ:

— Тутъ я одинъ сдѣлать ничего не могу. И ушелъ. Мы думали—не хочется. А онъ за 12 верстъ на своихъ лошадяхъ за другимъ докторомъ послалъ, да фельдшера выписалъ. И денегъ не взялъ. Папашу то они и отходили.

— А сочиненіе то его вы читали?

— Читали, но мало.

Прокофій читалъ Сахарина и еще нѣсколько рассказовъ, а старостѣ хорошо запомнилась „Заоумшленникъ“.

— А о чемъ это? заинтересовался Прокофій. Онъ все ловить въ рассказахъ отголосокъ тѣхъ бесѣдъ, что велъ онъ съ Чеховымъ и убѣжденъ, что что-нибудь, да попадетъ въ книгу изъ его рассказовъ. Вотъ бы только прочесть гдѣ...

— Заоумшленникъ это про гайку. О томъ, какъ высшіе не понимаютъ низшихъ. Мужичекъ не по злomu, а по невѣжеству отвинтилъ гайку, а его въ тюрьму посадили.

И не смотря на обиліе умныхъ, „интеллигентскихъ“ словъ, ясно, что живая душа рассказа почувствована и передана точно.

— Ну, а теперь я васъ къ пруду провожу—говоритъ Прокофій.

Это второй прудъ, вырытый Чеховымъ. Онъ среди молодого сада, у дѣся, въ саженяхъ 200 отъ дворовыхъ строеній. Къ нему ведетъ чудесная березовая аллея. Прудъ затонулся рясой, вода мутная, скрая. Давно не чистили. А рыбы въ немъ масса. Все Антонъ Павловичъ развелъ. Вотъ мѣстечко, съ котораго онъ ловилъ карасей.

— Только мало ловилъ то — улыбается Прокофій — Я говорю такъ, Прокофій, ради того, чтобы „посидѣть, на что мѣй ихъ ловить-то!“

И мѣй вспоминалась фраза изъ чеховскаго письма: „своихъ карасямъ въ пруду собираюсь дать конституцію“...

Молодой садъ разросся буйно. Много цвѣтовъ, густая зелень, тѣнь. Лиловая аллея ведетъ къ дому. Это было любимое мѣсто Антона Павловича. Онъ мечталъ тутъ построить домикъ.

— Ему этого очень хотѣлось — заключаетъ Прокофій. Здѣсь писать ему было бы отлично—уединенно, людей нѣтъ. Никто не мѣшалъ бы думать. Онъ все ходитъ и думалъ. Все то онъ думалъ.

Мы сбиваемъ скромные полевые цвѣты—последній нѣжный привѣтъ Мелихова, освещеннаго для насъ чеховскими годами, прожитыми въ этомъ тихомъ и мирномъ мѣстѣ... Но пора ѣхать...

— До свиданія, Прокофій, спасибо.

Спасибо за вѣрную и крѣпкую любовь, которой обильны были ваши воспоминанія о Чеховѣ!.

Мы возвращаемся въ Лоспашю. Дорогой перебираемъ въ памяти то, что знаемъ объ этомъ мѣстѣ. Вспоминаемъ, какъ заботила и тревожила Чехова покупка Мелихова, какъ свѣшались съ нѣвѣнемъ, любилъ Антонъ Павловичъ и этотъ домъ съ заѣздами, и этотъ наивный дворъ, и эта тихая аллея, и русскія дачи, раскинувшіяся безграницно. Онъ владелъ Мелиховымъ около 10 лѣтъ. Здѣсь написаны его лучшія вѣлди. Тутъ во снѣ увидѣлъ онъ чернаго монаха и потомъ рассказъ о немъ, въ повѣсти, въ которой такъ сладостно звучитъ Вадашской легенды, о дѣвущѣ болной воображеніемъ.

Здѣсь онъ творилъ и осуществлялъ свое призваніе—свою художественную любовь утверждая въ любви къ людямъ и къ жизни. Онъ скромно и незамѣтно, но бы готово и глубоко выслушалъ на людей, и мѣсто, на которомъ прожилъ, оставилъ не въ запустѣннѣ, а украсилъ его. Деревья, имъ посаженныя,

Мелихово.

1) Колокольня, выстроенная Чеховымъ; 2) Школа, основанная А. П.; 3) Любимый Чеховымъ уголокъ пруда.

говорить о его красной мечтѣ сдѣлать жизнь дѣтствующимъ садомъ...

И мѣста эти теперь кажутся намъ полными какой-то особой значительности, ибо таитъ они въ себѣ рассказъ о чело-
вѣкѣ, который тутъ жилъ, и который былъ такъ дорогъ и нуженъ всей странѣ.

Юрій Соболевъ.